

УДК: 159.9.072

DOI: 10.11621/vsp.2021.03.02

ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ОПАСНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ВВЕДЕНИЯ КАРАНТИНА В СВЯЗИ С ЭПИДЕМИЕЙ COVID-19 НА ЖЕНСКОЙ ВЫБОРКЕ

М.И. Вещикова^{1*}, Н.В. Зверева^{1,2}

¹ ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия.

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия.

Для контактов*. E-mail: mveshchikova@gmail.com

Актуальность статьи. Существующие исследования указывают на значимое влияние личного опыта на оценку опасности. В ходе эпидемии коронавируса COVID-19 многие испытали психологический дискомфорт, тревогу, страхи, как напрямую связанные с инфекцией, так и с сопутствующими негативными эффектами эпидемии. Имеющиеся исследования в области психологии риска указывают на личный опыт как один из компонентов восприятия опасности, при этом роль опыта определенной опасности на широкий круг угроз остается неоднозначной.

Цель исследования — определить влияние опыта переживания эпидемии и карантинных ограничений на восприятие опасностей окружающей среды, оценить наличие количественных и качественных различий в оценке опасностей на разных этапах распространения коронавируса в РФ и введения карантинных мер.

Методики. В исследовании использовались ранее апробированные авторские методики оценки восприятия опасности: Фото-тест «Оценка степени опасности с опорой на фотографии», Рисованный Апперцептивный Тест (автор — Л.Н. Собчик, инструкция модифицирована), «Незаконченные предложения» (модификация). Исследование проводилось в два этапа: первый был проведен до начала распространения коронавирусной инфекции на территории РФ и введения ограничительных мер (февраль 2020 года), второй — на этапе подъема заболеваемости и введения жестких ограничительных мер (март—апрель 2020). Исследование проводилось онлайн.

Выборка. 57 студентов вуза в возрасте 18–24 лет.

Результаты исследования. По методике «Фото-тест» общий балл опасности на втором срезе значимо выше по сравнению с первым этапом ($p \leq 0,05$), показатель антропогенной опасности на втором срезе также повышен ($p \leq 0,01$); оценки социальных и природных опасностей значимо не различаются. В «Незаконченных предложениях» на втором этапе исследования появляются упоминания темы эпидемии коронавируса.

Выводы. Опыт переживания опасности значимо повышает субъективный уровень риска в отношении ситуаций, связанных с актуальной угрозой. Опасения по поводу угрозы проявляются в ответах в проективных методах. Опыт переживаемой опасности эпидемии не сказывается на оценке межличностных отношений.

Ключевые слова: восприятие опасности, психология риска, психология восприятия, covid-19.

Для цитирования: Вещикова М.И., Зверева Н.В. Изменение восприятия опасности на разных этапах введения карантина в связи с эпидемией COVID-19 на женской выборке // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 3. С. 23–38. doi: 10.11621/vsp.2021.03.02

Поступила в редакцию: 08.02.2021 / Принята к публикации: 20.03.2021

CHANGES IN DANGER PERCEPTION AT DIFFERENT LEVELS OF LOCKDOWN DURING COVID-19 PANDEMIC IN WOMEN

Milena I. Veshchikova^{1*}, Natalia V. Zvereva^{1,2}

¹ “Scientific Center of Mental Health”, Moscow, Russia.

² Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia.

* Corresponding author. E-mail: mveshchikova@gmail.com

Background. Current investigations shows substantial effect of personal experience on danger perception. During COVID-19 pandemic many people reported about psychological discomfort, anxiety, fear, comes from infection itself and collateral effects of pandemic. Investigations in psychology of risk indicate personal experience as one of components of risk perception. In the same time there are no clearance of the effect of experience of particular danger on wide spectrum of hazards.

Objective. Our aim was to clarify the effect of pandemic experience on perception of dangers of external world, to assess quantitative and quantitative differences in danger perception on different stages of coronavirus spread and restrictions rate in Russian sample.

Design. The research uses original diagnostic complex designed for danger perception assessment: Photo-test “Danger estimate test based on photos”, modified Drawn Apperceptive Test, DAT (itself a modification of Thematic Apperceptive Test), “unfinished sentences” test (original set). The research had two stages. The first stage was held before coronavirus start spreading in Russia (February 2020) and before restrictions were imposed. The second stage of research was held in the period of pandemic acceleration and hard restrictions (March-April 2020). The research was held online

Sample size: 57 undergraduates aged 18–24 years.

Results. Both qualitative and quantitative analyses were performed. In Photo-test integral score of perceived danger is higher on second stage ($p \leq 0.05$) as well as anthropogenic score ($p \leq 0.01$). Natural and social scores shows no significant differences. There are mentions of coronavirus are found in answers to unfinished sentences on the second stage of research.

Conclusion. Experience of danger situation substantially increases perceived risk score concerning actual hazard. Projective methods shows an actualization of the hazard theme. Experience of pandemic danger don't effect on assessment of interpersonal relationships risks.

Key words: danger perception, psychology of risk, perception, covid-19.

For citation: Veshchikova, M.I., Zvereva, N.V. (2021) The future of labor and the psychology of technology. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 3, P. 23–38. doi: 10.11621/vsp.2021.03.02

Received: February 02, 2021 / **Accepted:** March 20, 2021

Актуальность статьи

В условиях продолжающейся эпидемии COVID-19 отмечается снижение уровня психологического благополучия, люди переживают страхи и тревогу. Негативные переживания связаны как с угрозой здоровью (возможностью заразиться и последствиями возможного заболевания) так и с длительным состоянием неопределенности в разных сферах жизни: организации быта, профессиональной деятельности, заработка, экономическими потерями (Cullen, Gulati,

Kelly 2020; Cao et al. 2020; Dawson, Golijani-Moghaddam 2020; Mann, Krueger, Vohs 2020; Рассказова, Леонтьев, Лебедева, 2020). В случае вспышек заболеваний эмоциональное состояние, представление людей об угрозе, мотивационные переменные, и их поведение напрямую влияет на скорость распространения инфекции, уровень загрузки медицинских учреждений, качество оказания медицинской помощи (Van Bavel et al., 2020, Epstein et al., 2008; Reluga, 2010; Micic, 2016): оценка угрозы является важным параметром, определяющим готовность людей следовать мерам предосторожности в отношении защиты здоровья: чаще мыть руки, соблюдать дистанцию, избегать людных мест, носить защитные маски (Leppin and Aro, 2009; Poletti, Ajelli, and Merler, 2011; Rudisill 2013; Kappes et al., 2018, Ениколопов, Бойко, Медведева и др., 2020; Первичко, Митина, Степанова и др., 2020). Таким образом, восприятие опасности обществом имеет критическое значение для управления рисками в области здравоохранения.

На данный момент в сфере психологии риска существует обширный массив исследований восприятия опасности в приложении к разным типам угроз. Комплексная модель восприятия риска группирует переменные по следующим категориям: когнитивные (знания о риске, оценка вероятности его воздействия, оценка его подконтрольности, опыт), социокультурный контекст (ценности, взгляды на мир, существующие в культуре подходы к риску), социо-демографические параметры (пол, возраст, уровень жизни) (Dryhurst et al., 2020; Prati, Pietrantonio, 2016; Jaspal et al., 2020) Большинство исследований строится вокруг оценки отдельных опасностей: атомной энергетики, природных катаклизмов, конкретных заболеваний, оценку дорожной обстановки, либо же предполагает сопоставление оценки опасности набора потенциальных угроз (Breakwell, 2014).

Исследования указывают на связь между восприятием опасности и принятием мер предосторожности в потенциально опасной ситуации. В частности, страх перед конкретными угрозами может иметь положительный эффект, поскольку поведение людей меняется с целью преодоления угрозы, если люди полагают это возможным, однако если люди ощущают себя неспособными повлиять на опасность, активизируется защитное поведение. Оптимистичные установки по отношению к угрозе также имеют двойственный эффект: повышая уровень психологического благополучия, они одновременно снижают вероятность следования мерам предосторожности (Sharot, 2011; Van Bavel, et al., 2020; Kuper-Smith, 2020). Эмоциональное состояние часто является основанием для принятия решения относительно наличия

и степени опасности, часто в большей степени, нежели объективная информация. В отношении восприятия опасности распространения инфекционных заболеваний была выявлена роль негативных эмоций: страха, гнева, отвращения, тревоги, грусти (Yang, Chu, 2016). Эмоциональная оценка ситуации провоцирует искажения получаемой информации и выборочный анализ имеющихся данных. Этот эффект был отмечен в наиболее ранних работах, посвященных восприятию рисков: исследованиях Д. Канемана, П. Словика и А. Тверски, в которых было показано, что оценка рисков людьми не подчиняется строгим рациональным критериям, а подвергается действию ряда когнитивных ошибок и зависит от контекста, в котором представлены данные о рисках (Kahneman, Tversky, 1979).

Следующим компонентом восприятия опасности является личный опыт преодоления опасности (Van Bavel et al., 2020; Xie et al., 2019; Dryhurst, 2020; Van der Linden, 2017, 2015, Первичко и др., 2020). На социологическом уровне проверялась гипотеза о том, что сообщества, сталкивавшиеся с большим количеством технологических угроз, будут к ним менее чувствительными (Lima et al., 2005). Было обнаружено, что восприятие рисков для окружающей среды отрицательно связано с уровнем технологического превосходства и положительно — с уровнем роста технологий. На уровне индивида опыт определяет последующую чувствительность к опасности. Повторяющиеся встречи с угрозами приводят к снижению чувствительности к ним и пересмотру границ допустимого риска. Обогащение опыта взаимодействия с опасностью может приводить к снижению уровня воспринимаемого риска. Также есть рассогласование между статистической подверженностью риску и его оценкой: люди, относящиеся к социо-демографическим группам, более подверженным риску, оценивают его как менее существенный (Sund et al., 2017). Также отмечается, что люди, зная экспертную оценку риска, имеют склонность соглашаться с ней, однако личный опыт изменяет уровень принятия экспертного мнения (Breakwell, 2014). Рост опыта в общем случае положительно коррелирует с воспринимаемым уровнем контроля риска. Вместе с тем при разделении рисков на добровольные и невольные картина усложняется: обнаруживается, что опыт коррелирует с восприятием невольных рисков как неподконтрольных, а добровольных как более известных и контролируемых (Breakwell, 2014; Olofsson and Öhman, 2015). Данные по текущей эпидемии показывают, что оценка людьми угрозы, связанной с распространением заболевания, имеет тенденцию меняться по мере изменения ситуации

и получения информации, так же как и меняется психологическая реакция на ситуацию (Ениколопов, Бойко, Медведева и др., 2020; Первичко, Митина, Степанова и др., 2020).

В нашем исследовании поставлен вопрос о влиянии переживания глобальной угрозы (эпидемии) на оценку широкого круга опасностей, с которыми люди могут встречаться в повседневной жизни. В качестве возможных источников опасности нами рассматриваются социальный, антропогенный и природный источники (по процедуре фото-теста). Данные литературы и обзоров, появившиеся уже в разгар пандемии, показывают, что государственные структуры здравоохранения, научные центры и университеты фиксируют динамику реакции человеческого сообщества на возникшие новые угрозы и меры борьбы с ними, показывая их влияние на психическое состояние людей. Как отмечают в своем обзоре публикаций и мер реагирования государственных и научных учреждений на ситуацию с распространением эпидемии COVID-19 Н.Е. Харламенкова и соавторы, «научные центры всего мира на своих официальных сайтах размещают информацию, которая способствует снижению чувства неопределенности, обретению ощущения контроля и понимания происходящего» (Харламенкова и др., 2020).

Цель исследования. Важной базовой целью проводимой работы является апробирование набора методик в режиме ретеста для оценки его чувствительности к изменению, в том числе при появлении актуальных угроз. Наличие глобальной динамики ситуации с началом пандемии вызвало к жизни существенную дополнительную и актуальную цель — определить влияние опыта переживания начального периода эпидемии и карантинных ограничений на восприятие опасностей окружающей среды, оценить наличие количественных и качественных различий в оценке опасностей на разных этапах распространения коронавируса в РФ и введения карантинных мер.

Методы

В исследовании был использован набор из трех описанных ниже методик, разработанных и апробированных для исследования восприятия опасности (Вещикова, Зверева, 2014; Вещикова 2015; Вещикова, Зверева, 2019).

РАТ (модифицированная инструкция) — использован оригинальный стимульный материал методики Л.Н. Собчик, испытуемому

предлагалось разделить изображенные ситуации на опасные и безопасные ситуации и объяснить их. При статистической обработке использовался показатель количества ситуаций, истолкованных как опасные. Также проводится качественный анализ описаний изображенных ситуаций.

«Оценка степени опасности с опорой на фотографии» («Фототест») — стимульный материал (карточки с фотографиями потенциально опасных мест и ситуаций, с которыми можно встретиться в повседневной жизни — природные условия, антропогенная среда и социальные взаимодействия). Испытуемый должен их разделить на 3 группы по степени опасности. Для статистической обработки вычислялся интегральный балл воспринимаемого уровня опасности (общий и по отдельным источникам опасности): карточки, отнесенные к безопасным ситуациям, получали 0 баллов, к опасным — 1 балл, к высокой степени опасности — 2 балла (Вещикова, Зверева, 2014, 2019).

Незаконченные предложения — набор включает 14 утверждений, посвященных теме опасности. Набор содержит 4 «открытые» формулировки, указывающие на наличие опасности, но не раскрывающие ее содержание («Мне неуютно...», «Больше всего я боюсь...») (Вещикова, Зверева, Балакирева, 2016).

В исследовании приняли участие 57 человек в возрасте 18–24 лет (средний возраст — 19,2 года), студенты вуза, девушки. Выборка на первом этапе также включала испытуемых мужского пола, однако второй этап из них прошли три человека, вследствие чего ответы мужчин были полностью исключены из анализа. Исследование проводилось онлайн. Первый этап был проведен в первой половине февраля (6–13 февраля), в период до начала распространения коронавируса на территории РФ, когда были только озвучены и введены отдельные ограничительные меры в отношении сообщения с Китаем и прибывших граждан КНР, широкую общественность данные меры не затрагивали. Второй этап исследования проводился в период введения максимально строгих ограничений в России: с 3 марта по 23 апреля, когда были закрыты границы, ограничены массовые мероприятия, а с 30 марта начался режим нерабочих дней.

Данное исследование — часть диссертационного исследования, в рамках которого были разработаны и апробированы указанные диагностические методики. Расширение количественного состава выборки, а также изменение половозрастных параметров не представлялось возможным в силу уникальности времени проведения

испытания, поскольку время проведения тестового и ретестового среза оказались фактически в разные эпохи жизни — «до» и «после» объявления пандемии COVID-19.

Результаты исследования

Сопоставление результатов по первому и второму этапу показывает следующее:

По модифицированному варианту РАТ не было получено значимых различий между первым и вторым этапом диагностики. По методике «Фото-тест» балл оценки социальных и природных опасностей

Таблица 1

**Количественные результаты на первом и втором этапах,
* — статистически значимые различия (критерий Манна-Уитни)**

???		Фото-тест				РАТ
		общий	социальный	антропогенный	природный	
1 этап	Среднее	18,58*	7,63	6,05*	4,94	2,79
	Стандартное отклонение	5,75	3,4	2,66	1,69	1,40
2 этап	Среднее	20,89*	8,30	7,26*	5,33	2,86
	Стандартное отклонение	6,43	3,23	2,84	1,62	1,59

Table 1

**Quantitative results in first and second stages of research,
* — significant differences (Mann and Whitney U test)**

Score		Photo-test				DAT
		integral	social	anthropogenic	natural	
1 stage	Average meaning	18,58*	7,63	6,05*	4,94	2,79
	Standard deviation	5,75	3,4	2,66	1,69	1,40
2 stage	Average meaning	20,89*	8,30	7,26*	5,33	2,86
	Standard deviation	6,43	3,23	2,84	1,62	1,59

значимо не различаются в обоих срезах, однако общий балл опасности на втором срезе значимо выше по сравнению с первым ($p \leq 0,05$, критерий Манна–Уитни), показатель антропогенной опасности на втором срезе также повышен ($p \leq 0,01$, критерий Манна–Уитни). Можно рассматривать такую динамику как отражение обеспокоенности респондентами ситуацией пандемии.

Анализ окончаний в методике «Незаконченные предложения» показывает влияние актуальной ситуации на содержание ответов. На первом срезе только в двух случаях было отмечено возможное влияние еще не ставшей актуальной для России эпидемии, однако эти два актуализированных завершения фраз не являются конкретными указаниями на коронавирусную инфекцию, и могут быть не связаны с актуальной обстановкой («Самое опасное место... то, что угрожает твоей жизни, там где идёт война, там где опасный вирус», «Моему здоровью может навредить... травмы, переломы и вирусы»). На втором этапе подобные формулировки встречаются чаще и относятся к разным начальным фразам: («Я избегаю общаться... с заболевшими (ОРВИ, простуда, коронавирус)», «Больше всего я боюсь... заболеть», «Самое опасное место... там, где эпидемия коронавируса»; «...Китай»).

Как показывают результаты, в методиках неодинаково прослеживается влияние эпидемиологической обстановки. В Рисованном Апперцептивном Тесте отмечается количественное повышение уровня воспринимаемой опасности, однако содержание ответов не отражает переживаний, связанных с угрозой инфекции. Это можно связать с особенностями стимульного материала, представляющего абстрактные изображения ситуаций межличностного взаимодействия, не привязанные к каким-либо конкретным условиям. Хотя введение ограничительных мер оказало влияние на возможность поддерживать социальные контакты, эти изменения затронули скорее формальную сторону, не внося содержательных изменений.

Появления отсылок к эпидемии коронавируса в незаконченных предложениях связано с особенностью подбора начальных формулировок. Набор содержит открытые формулировки, напрямую провоцирующие актуальные переживания угрозы, что позволяет точнее отследить динамические представления об опасности и детализировать их по конкретным угрозам. Тот факт, что в ответах на «Незаконченные предложения» прозвучала тема коронавируса, свидетельствует о том, что данный набор выполняет адресованную задачу выявления актуальных для респондента угроз.

Среди ограничений данной работы можно указать гендерный состав группы, представленной девушками. Из имеющихся в литературе данных мы можем предположить, что выборка со смешанным гендерным составом показала бы менее заметные различия, поскольку общая тенденция заключается в понижении уровня воспринимаемого риска среди мужчин по сравнению с женщинами (Breakwell, 2010). В частности, есть данные о том, что опасность коронавируса мужчины оценивают как менее значимую по сравнению с оценками женщин, хотя объективные исследования указывают на более тяжелое течение болезни в мужской популяции (Sund, Svensson, Andersson, 2020; Dryhurst et al., 2020). Также в исследовании Е.И. Первичко, О.В. Митиной, О.Б. Степановой и др. было показано, что наибольшую тревогу в отношении пандемии испытывают женщины с низким уровнем дохода, мужчины же демонстрируют более низкий уровень тревожности в отношении заболевания, и в большей степени оценивают риски как подконтрольные (Первичко, Митина, Степанова и др., 2020). В соответствии с этими данными мы можем предположить, что в урвненной по гендерному составу выборке различия будут менее выражены.

Заклучение

Полученные результаты указывают на то, что опыт переживания угрозы молодыми девушками может оказывать влияние на оценку опасности не только этой непосредственной угрозы, но и связанных ситуаций. Оценка отдаленных событий не меняется. Личный опыт непосредственного переживания эпидемиологической угрозы приводит к повышению уровня воспринимаемой опасности. На качественном уровне можно отметить появление в списке упоминаемых опасностей актуальной угрозы.

В соответствии с комплексной моделью оценки риска в данном исследовании был затронут когнитивный компонент системы без учета прочих компонентов. Одним из дальнейших направлений для углубления темы может стать расширение набора учитываемых когнитивных переменных, например личный опыт болезни, наличие заболевших родственников и близких, знакомых медицинских работников, участвующих в работе с заболевшими коронавирусом.

Исследование не позволяет в полной мере сделать выводы о ретестовой надежности исследуемых авторских методик, поскольку исследование совпало с появлением значительной и глобальной угрозы. Выявлено, что методики отражают динамичный процесс оценки

опасности, однако мы не можем сделать вывод о мере стабильности показателей вне ситуации актуальной угрозы. Одним из дальнейших направлений исследования может стать проверка ретестовой надежности в условиях отсутствия явной внешней угрозы, расширение половозрастного состава респондентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вещикова М.И., Зверева Н.В. Исследование восприятия опасности у подростков в норме и при эндогенной психической патологии // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 1. [Электронный ресурс] // URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Veshhikova_Zvereva.phtml (дата обращения: 22.05.2014).

Вещикова М.И. Восприятие опасности подростками и его связь с личностными чертами у подростков в норме и при психической патологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8, № 1 С. 56–62.

Вещикова М.И., Зверева Н.В. Восприятие опасности подростками: возрастные особенности и изменения при расстройствах шизофренического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т. 19. № 4. С. 80–87.

Вещикова М.И., Зверева Н.В., Балакирева Е. Е. Проективный метод в оценке восприятия опасности внешнего мира подростками с психической патологией. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2016. № 116 (4–2). С. 50–56. DOI: 10.17116/jnevro20161163250-56

Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12, № 2. С. 108–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207

Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б. и др. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205

Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Дан М.В. и др. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. М.: ИП РАН, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://ipras.ru/cntnt/rus/>

Breakwell, G.M. (2014). The psychology of risk. Cambridge University Press.

Caο, W., Fang, Z., Hou, G., Han, M., Xu, X., Dong, J., & Zheng, J. (2020). The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry research*, 112934. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.112934

Cullen, W., Gulati, G., & Kelly, B.D. (2020). Mental health in the Covid-19 pandemic. *QJM: An International Journal of Medicine*, 113 (5), 311–312. DOI: 10.1093/qjmed/hcaa110

Dawson, D.L., & Golijani-Moghaddam, N. (2020). COVID-19: Psychological flexibility, coping, mental health, and wellbeing in the UK during the pandemic. *Journal of contextual behavioral science*, 17, 126–134. DOI: 10.1016/j.jcbs.2020.07.010

Dryhurst, S., Schneider, C.R., Kerr, J., Freeman, A.L., Recchia, G., Van Der Bles, A.M., ... & van der Linden, S. (2020). Risk perceptions of COVID-19 around the world. *Journal of Risk Research*, 1–13. DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193

Epstein, J.M., Parker, J., Cummings, D., & Hammond, R.A. (2008). Coupled contagion dynamics of fear and disease: mathematical and computational explorations. *PLoS One*, 3 (12), e3955. DOI: 10.1371/journal.pone.0003955

Jaspal, R., Fino, E., & Breakwell, G.M. (2020). The COVID-19 Own Risk Appraisal Scale (CORAS): Development and validation in two samples from the United Kingdom. *Journal of health psychology*. DOI: 10.1177/2F1359105320967429

Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47, P. 313–327.

Kappes, A., Nussberger, A.M., Faber, N.S., Kahane, G., Savulescu, J., & Crockett, M.J. (2018). Uncertainty about the impact of social decisions increases prosocial behaviour. *Nature human behaviour*, 2 (8), 573–580. DOI: 10.1038/s41562-018-0372-x

Kuper-Smith, B.J., Doppelhofer, L.M., Oganian, Y., Rosenblau, G., & Korn, C. (2020). Optimistic beliefs about the personal impact of COVID-19. Preprint DOI: 10.31234/osf.io/epcyb

Leppin, A., & Aro, A.R. (2009). Risk perceptions related to SARS and avian influenza: theoretical foundations of current empirical research. *International journal of behavioral medicine*, 16 (1), 7–29. DOI: 10.1007/s12529-008-9002-8

Mann, F.D., Krueger, R.F., & Vohs, K.D. (2020). Personal economic anxiety in response to COVID-19. *Personality and Individual Differences*, 167, 110233. /doi.org/10.1016/j.paid.2020.110233

Micic T. (2016). Risk reality vs risk perception, *Journal of Risk Research*. DOI: 10.1080/13669877.2015.1121900

Olofsson, A., Öhman, S. (2015). “Vulnerability, Values and Heterogeneity: One Step Further to Understand Risk Perception and Behaviour.” *Journal of Risk Research*, 18 (1), 2–20.

Poletti, P., Ajelli, M., & Merler, S. (2011). The effect of risk perception on the 2009 H1N1 pandemic influenza dynamics. *PloS one*, 6 (2), e16460. DOI: 10.1371/journal.pone.0016460

Prati, G., & Pietrantoni, L. (2016). Knowledge, risk perceptions, and xenophobic attitudes: evidence from Italy during the Ebola outbreak. *Risk Analysis*, 36 (10), 2000–2010. DOI: 10.1111/risa.12537

Reluga, T.C. (2010). Game theory of social distancing in response to an epidemic. *PLoS Comput Biol*, 6 (5), e1000793. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1000793

Rudisill, C. (2013). How do we handle new health risks? Risk perception, optimism, and behaviors regarding the H1N1 virus. *Journal of Risk Research*, 16 (8), 959–980. DOI: 10.1080/13669877.2012.761271

Sharot, T. (2011). The optimism bias. *Current biology*, 21 (23), R941–R945. DOI: 10.1016/j.cub.2011.10.030

Sund, B., Svensson, M., & Andersson, H. (2017). Demographic determinants of incident experience and risk perception: do high-risk groups accurately perceive themselves as high-risk? *Journal of risk research*, 20 (1), 99–117. DOI: 10.1080/13669877.2015.1042499

Van Bavel, J.J., Baicker, K., Boggio, P.S., Capraro, V., Cichocka, A., Cikara, M., ... & Drury, J. (2020). Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nature Human Behaviour*, 1–12. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z

Van der Linden, S. (2017). Determinants and measurement of climate change risk perception, worry, and concern. *The Oxford Encyclopedia of Climate Change Communication*. Oxford University Press, Oxford, UK. DOI: 10.2139/ssrn.2953631

Van der Linden, S. (2015). The social-psychological determinants of climate change risk perceptions: Towards a comprehensive model. *Journal of Environmental Psychology*, 41, 112–124. DOI: 10.1016/j.jenvp.2014.11.012

Wise, T., Zbozinek, T.D., Michelini, G., & Hagan, C.C. (2020). Changes in risk perception and protective behavior during the first week of the COVID-19 pandemic in the United States. DOI: 10.1098/rsos.200742

Xie, B., Brewer, M.B., Hayes, B.K., McDonald, R.I., & Newell, B.R. (2019). Predicting climate change risk perception and willingness to act. *Journal of Environmental Psychology*, 65, 101331. DOI: 10.1016/j.jenvp.2019.101331

Yang, J.Z., & Chu, H. (2018). Who is afraid of the Ebola outbreak? The influence of discrete emotions on risk perception. *Journal of Risk Research*, 21 (7), 834–853. DOI: 10.1080/13669877.2016.1247378

REFERENCES

Veshchikova M.I., Zvereva N.V. (2014). A study of danger perception in adolescents in normal and endogenous mental pathology. *Psychological science and education (Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie)*, 6 (1), 310–322. DOI: 10.17759/psyedu.2014060133 (In Russ).

Veshchikova M.I. (2015). Danger Perception and Personality Traits Affecting on it Healthy Adolescents and Adolescents with Mental Disorders. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology (Vestnik JuUrGU. Serija "Psihologija")*, 8 (1), 56–62. (In Russ.).

Veshchikova M.I., Zvereva N.V. (2019). Hazard perception in adolescents: Age differences and differences among adolescents with schizophrenia spectrum disorders. *Mental Health of Children and Adolescent (Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov)*, 19 (4), 80–87. (In Russ.).

Veshchikova M.I., Zvereva N.V., Balakireva E.E. (2016). Projective method in the investigation of perception of external dangers in adolescents with mental disorders. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry (special issues) (Zhurnal neurologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova. Spetsvypuski)*, 116 (4), 50–56. (In Russ).

Enikolopov S.N., Boyko O.M., Medvedeva T.I., Vorontsova O.U., Kazmina O.U. (2020). Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19

[Elektronnyi resurs] *Psychological-Educational Studies. (Psikhologo-pedagogicheskoe issledovaniya)*, 12 (2), 108–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207 (In Russ.).

Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., et al. (2020). Perception of COVID-19 During the 2020 Pandemic in Russia. *Clinical Psychology and Special Education (Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya)*, 9 (2), 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206 (In Russ.).

Rasskazova E.I., Leontiev D.A., Lebedeva A.A. (2020). Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Counseling psychology and psychotherapy (Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya)*, 28 (2), 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205 (In Russ.).

Harlamenkova N.E., Byhovec Ju. V., Dan M.V., i dr. (2020). The experience of uncertainty, anxiety, restlessness under COVID-19 M.: IP RAN. [Electronic resource] // URL: <http://ipras.ru/cntnt/rus/> (In Russ.).

Breakwell, G.M. (2014). *The psychology of risk*. Cambridge University Press.

Cao, W., Fang, Z., Hou, G., Han, M., Xu, X., Dong, J., & Zheng, J. (2020). The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry research*. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.112934

Cullen, W., Gulati, G., & Kelly, B.D. (2020). Mental health in the Covid-19 pandemic. *QJM: An International Journal of Medicine*, 113 (5), 311–312. DOI: 10.1093/qjmed/hcaa110

Dawson, D.L., & Golijani-Moghaddam, N. (2020). COVID-19: Psychological flexibility, coping, mental health, and wellbeing in the UK during the pandemic. *Journal of contextual behavioral science*, 17, 126–134. DOI: 10.1016/j.jcbs.2020.07.010

Dryhurst, S., Schneider, C.R., Kerr, J., Freeman, A.L., Recchia, G., Van Der Bles, A.M., ... & van der Linden, S. (2020). Risk perceptions of COVID-19 around the world. *Journal of Risk Research*, 1–13. DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193

Epstein, J.M., Parker, J., Cummings, D., & Hammond, R.A. (2008). Coupled contagion dynamics of fear and disease: mathematical and computational explorations. *PLoS One*, 3 (12), e3955. DOI: 10.1371/journal.pone.0003955

Jaspal, R., Fino, E., & Breakwell, G.M. (2020). <? covid19?> The COVID-19 Own Risk Appraisal Scale (CORAS): Development and validation in two samples from the United Kingdom. *Journal of health psychology*. DOI: 10.1177%2F1359105320967429

Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47, 313–327.

Kappes, A., Nussberger, A.M., Faber, N.S., Kahane, G., Savulescu, J., & Crockett, M.J. (2018). Uncertainty about the impact of social decisions increases prosocial behaviour. *Nature human behaviour*, 2 (8), 573–580. DOI: 10.1038/s41562-018-0372-x

Kuper-Smith, B.J., Doppelhofer, L.M., Oganian, Y., Rosenblau, G., & Korn, C. (2020). Optimistic beliefs about the personal impact of COVID-19. Preprint. DOI: 10.31234/osf.io/epcyb

Leppin, A., & Aro, A.R. (2009). Risk perceptions related to SARS and avian influenza: theoretical foundations of current empirical research. *International journal of behavioral medicine*, 16 (1), 7–29. DOI: 10.1007/s12529-008-9002-8

Mann, F.D., Krueger, R.F., & Vohs, K.D. (2020). Personal economic anxiety in response to COVID-19. *Personality and Individual Differences*, 167, 110233. /doi.org/10.1016/j.paid.2020.110233

Micic T. (2016). Risk reality vs risk perception, *Journal of Risk Research*, DOI: 10.1080/13669877.2015.1121900

Olofsson, A., and S. Öhman. (2015). "Vulnerability, Values and Heterogeneity: One Step Further to Understand Risk Perception and Behaviour." *Journal of Risk Research*, 18 (1), 2–20.

Poletti, P., Ajelli, M., & Merler, S. (2011). The effect of risk perception on the 2009 H1N1 pandemic influenza dynamics. *PloS one*, 6 (2), e16460. DOI: 10.1371/journal.pone.0016460

Prati, G., & Pietrantonio, L. (2016). Knowledge, risk perceptions, and xenophobic attitudes: evidence from Italy during the Ebola outbreak. *Risk Analysis*, 36 (10), 2000–2010. DOI: 10.1111/risa.12537

Reluga, T.C. (2010). Game theory of social distancing in response to an epidemic. *PLoS Comput Biol*, 6 (5), e1000793. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1000793

Rudisill, C. (2013). How do we handle new health risks? Risk perception, optimism, and behaviors regarding the H1N1 virus. *Journal of Risk Research*, 16 (8), 959–980. DOI: 10.1080/13669877.2012.761271

Sharot, T. (2011). The optimism bias. *Current biology*, 21 (23), R941–R945. DOI: 10.1016/j.cub.2011.10.030

Sund, B., Svensson, M., & Andersson, H. (2017). Demographic determinants of incident experience and risk perception: do high-risk groups accurately perceive themselves as high-risk? *Journal of risk research*, 20 (1), 99–117. <https://doi.org/10.1080/13669877.2015.1042499>

Van Bavel, J. J., Baicker, K., Boggio, P. S., Capraro, V., Cichocka, A., Cikara, M., ... & Drury, J. (2020). Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nature Human Behaviour*, 1–12. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z

Van der Linden, S. (2017). Determinants and measurement of climate change risk perception, worry, and concern. *The Oxford Encyclopedia of Climate Change Communication*. Oxford University Press, Oxford, UK. DOI: 10.2139/ssrn.2953631

Van der Linden, S. (2015). The social-psychological determinants of climate change risk perceptions: Towards a comprehensive model. *Journal of Environmental Psychology*, 41, 112–124. DOI: 10.1016/j.jenvp.2014.11.012

Wise, T., Zbozinek, T.D., Michelini, G., & Hagan, C.C. (2020). Changes in risk perception and protective behavior during the first week of the COVID-19 pandemic in the United States. DOI: 10.1098/rsos.200742

Xie, B., Brewer, M.B., Hayes, B.K., McDonald, R.L., & Newell, B.R. (2019). Predicting climate change risk perception and willingness to act. *Journal of Environmental Psychology*, 65, 101331. DOI: 10.1016/j.jenvp.2019.101331

Yang, J.Z., & Chu, H. (2018). Who is afraid of the Ebola outbreak? The influence of discrete emotions on risk perception. *Journal of Risk Research*, 21 (7), 834–853. DOI: 10.1080/13669877.2016.1247378

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вещикова Милена Игоревна — младший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-8405-5249. E-mail: mveshchikova@gmail.com

Зверева Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии МГППУ, Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-3817-2169. E-mail: zverevanv@mgppu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Milena I. Veshchikova — Junior researcher at FSBSI Mental Health Research Center, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-8405-5249. E-mail: mveshchikova@gmail.com

Natalia V. Zvereva — PhD in Psychology, Full Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology of MSPPU, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-3817-2169. E-mail: zverevanv@mgppu.ru